

И. С. ВДОВИН

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ЧУКЧЕЙ*

Изучением общественного строя чукчей начали заниматься лишь со второй половины XIX в. До этого имелись только отрывочные описания некоторых сторон их внутренней жизни. Первым, кто заинтересовался общественным строем чукчей, был колымский исправник Г. Майдель, совершивший в 1868—1870 гг. с административными целями поездку от Колымы до устья р. Анадыря и обратно; однако материалы, собранные им, относятся только к указанному периоду, без выявления тех сторон общественной жизни чукчей, которые предшествовали описываемым Майделем¹.

В конце 90-х годов XIX в. и в начале XX в. (первоначально в Колымском, а затем в Анадырском округах) В. Г. Богораз произвел всестороннее изучение чукчей. Он много уделил внимания изучению общественного строя чукчей, используя свои многолетние наблюдения и знание чукотского фольклора, что получило отражение в его монографии «The Chukchee. Social organisation», Leiden — New York, 1909, part. III. (Эта часть монографии в авторизованном русском переводе была издана Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера ЦИК СССР в 1934 г.).

Описывая явления общественной жизни чукчей в конце XIX и начале XX в., В. Г. Богораз попытался дать характеристику и более ранним формам, правда, не устанавливая никаких хронологических рамок. Нас в первую очередь интересуют его высказывания о древних формах общественного строя чукчей. В предисловии к русскому переводу I части монографии «Чукчи» В. Г. Богораз сделал попытку пересмотреть свои суждения, высказанные еще в начале XX в. Впрочем, основная его концепция, что рода у чукчей не существовало, осталась неизменной. «Только в последние годы,— писал он,— я пришел к убеждению, что целый ряд фактов, относящихся к чукотской семейной и брачной жизни и к другим элементам чукотского общественного строя, которые я описывал осторожно и предположительно, могут быть поняты и объяснены лишь как пережитки и реликты ранней стадии первобытного коммунистического общества, либо предшествующей родовому строю, либо относящейся к периоду становления родового строя»². Приведя ряд доказательств, подтверждающих сказанное, несколько ниже Богораз утверждал: «Мень-

* Автор, сообщая интересные материалы по родственной номенклатуре чукчей, касается в их интерпретации спорных вопросов, в частности, вопроса о кровнородственной семье; этот вопрос получил в советской литературе различное освещение, и редакция приглашает специалистов принять участие в его обсуждении.

Редакция.

¹ Описание экспедиции изложено Г. Майделем в его труде «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах», СПб., т. I, 1894; т. II, 1896.

² В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. XV.

ше всего я могу согласиться с тем предположением, что родовой строй у чукоч некогда существовал, а потом разложился, так разложился, что и следов не осталось»³. Больше того, сравнивая общественный быт чукчей с бытом коряков, Богораз отмечал, что у коряков «концепция общественной жизни получается та же, что и у чукоч: семья и семейная группа, составляющие вместе зачаток родовой организации»⁴. При этом В. Г. Богораз ссылался на В. И. Иохельсона, который также отрицал существование рода у коряков. В другом месте того же предисловия В. Г. Богораз распространял это свое утверждение и на эскимосов; «причиной отсталости и недоразвитости родového общества у эскимосов и у чукоч с коряками,— писал он,— нужно считать прежде всего крайнюю географическую уединенность занимаемых ими обширных областей»⁵.

Не случайно, что Иохельсон у коряков, а Богораз у чукчей не могли найти «следов» родového строя. Оба они как народники стояли на позициях субъективной социологии, что также не могло не сказаться на их отношении к общественным явлениям вообще и чукотско-корякской жизни, в частности.

Пересматривая свою работу о чукчах в 1934 г., В. Г. Богораз не пересмотрел своих прежних теоретических воззрений. Ни в самой монографии, ни в предисловии к ней В. Г. Богораз не сделал ни одной ссылки, ни одного указания на известные труды Ф. Энгельса и Л. Моргана⁶. Отсюда та расплывчатость и неустойчивость идеи развития общественных отношений у чукчей и та неопределенность, с которой Богораз трактует общественный строй чукчей в описываемое им время.

Если принять точку зрения Богораз, что рода у чукчей не было, то становится непонятным, откуда могли появиться у них такие институты, как групповой брак, кровная месть, левират и другие, которые могут быть отнесены только к институтам родovým, но никак не к родovým. Вместе с тем у чукчей нет экзогамии: мы ничего не знаем о ней из исторических источников, а также из фольклора, на нее нет даже и намеков. Это-то обстоятельство и побудило Богораз так решительно отвергать у чукчей род «хотя бы и в прошлом». Но остался еще один источник, которому В. Г. Богораз не придавал особого значения (во всяком случае он его не использовал): это — системы родства.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценили метод Моргана, дающий возможность реконструировать отжившие формы семьи и семейно-брачных отношений путем анализа систем родства. Научная плодотворность этого метода доказана огромным количеством примеров. «В то время как семья продолжает жить,— писал Энгельс,— система родства окостеневает, и в то время как последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но... можем мы по дошедшей до нас из исторического прошлого системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи»⁷.

Анализ чукотской системы родства, как нам кажется, позволяет проследить изменения, происшедшие в формах брачных отношений у чукчей, начиная с очень древних. Неоценимую услугу в этом отношении оказывает инкорпоративный строй чукотского языка, где новые

³ Там же, стр. XVII.

⁴ Там же, стр. XX.

⁵ Там же, стр. XXI.

⁶ Только в последней своей работе «Социальный строй американских эскимосов» В. Г. Богораз сделал резкий поворот в сторону теории Ф. Энгельса и Л. Моргана.— См. Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, т. IV, М.—Л., 1936, стр. 195—256.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 16—17.

понятия образуются часто путем слияния уже известных основ, которые не теряют при этом своей семантики, благодаря чему новые термины сравнительно легко поддаются расшифровке. Сделать таким путем попытку реставрации последовательного развития форм семейно-брачных отношений у чукчей нам кажется необходимым, ибо без генетического подхода трудно уяснить общественный порядок, сложившийся у них к XX в. Однако в предлагаемом ниже кратком анализе чукотских систем родства мы отнюдь не ставим себе задачей разрешить все вопросы развития общественного строя чукчей; это — задача особого исследования. Здесь эту тему мы затрагиваем только в порядке постановки вопроса, намечая пути ее разработки.

Наиболее древние формы общественных отношений могут быть изучаемы лишь на незначительном количестве источников, главным образом лингвистического характера. Ознакомление с существующей у чукчей системой обозначения родства дает основание утверждать, что в отдаленном прошлом чукчи, как и другие народы, пережили самую раннюю форму семьи, основанную на кровном родстве. Энгельс дал такую характеристику кровнородственной семьи: «...в этой форме семьи исключаются взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) только между предками и потомками, между родителями и детьми»⁸. Иначе говоря, в кровнородственной семье брачные группы разделены по поколениям. Все женщины одного поколения являются сестрами и уже в силу этого, как считал Энгельс, женами всех мужчин того же поколения. Такой форме семьи соответствовала и система обозначения родства, когда выделялось кровное родство по прямой линии, без учета боковых. Здесь выделялось пять степеней родства (обозначения) и только по одной линии, т. е. я с моими братьями и сестрами-женами, наши отцы и матери, наши бабки и деды — по восходящей линии; а по нисходящей — наши дети, наши внуки. Такая система обозначения родства вскрывается и в ныне существующей терминологии кровного родства у чукчей. Чукча называет своего родного брата *йичемит-тумгын*, двоюродного брата *елгы-тумгын*, троюродного — *пытка-елгы-томгын* и т. д. (независимо от того, с отцовской или с материнской стороны они являются ему братьями), сестру родную (если я — мужчина) — *чакыгэт*, двоюродную — *н'ав-елгы-томгын*, троюродную — *пытка-н'ав-елгы-томгын*. Женщина родную сестру называет *чакэт-томгын*, двоюродную и троюродную так же, как и мужчина, т. е. *н'ав-елгы-томгын* и *пытка-н'ав-елгы-томгын*. Родного брата женщина называет *йичемит* — брат также *инээлын* — старший брат и *ытлен'ы* — младший брат. Двоюродного и троюродного братьев — так же, как и мужчину, т. е. *елгы-томгын* и *пытка-елгы-томгын*.

Из приведенных терминов родства нетрудно заметить, что один и тот же элемент — *тумгын* или в другой огласовке — *томгын*⁹ повторяется во всех обозначениях кровного родства данного поколения, за исключением терминов, обозначающих «родная сестра» по отношению к мужчине и «родной брат» по отношению к женщине. Эти термины (*чакыгэт* — сестра и *йичемит* — брат) возникли из последующего развития, о чем будет сказано ниже.

Чукотская система обозначения родства не знает для выражения родственных отношений по восходящей и по нисходящей линиям терминов, образованных при помощи слова *тумгытум*. Исключение составляет вторая боковая линия, в которой внук, правнук, и правнука сестры отца по отношению ко мне обозначаются термином, в котором фигурирует основа *тумг* или *томг*. Таким образом, есть основание предпола-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 22.

⁹ Эта огласовка вызывается законом гармонии гласных, существующим в чукотском языке, однако замена одних гласных (мягкого ряда) другими (гласными твердого ряда) не влияет на семантику основы.

тать, что словом *тумгытум* некогда обозначалась категория лиц, принадлежавших только к одному, данному поколению.

Это предположение подтверждается и тем, что термины родства в чукотском языке — сложные образования, состоящие из двух, трех и больше основ, что видно из примеров. Это обстоятельство позволяет думать, что изначально был только один термин *тумгытум*, без всяких дополнительных определителей, возникших позднее. Сам по себе факт двух- и трехсложного состава терминов родства свидетельствует об этой форме, как о позднейшей.

Слово *тумгытум* в настоящее время означает товарищ, друг, а также родственник. От этого слова образуются и такие понятия, как *тумгэтык* — вступить в дружественные связи, прекращать вражду; *томгатык* — создавать, и такое выражение, как *тэ-тумгэтык* — вступать в отношения группового брака, и, наконец, корень *тумг* || *томг* восходит к такому понятию, как *тэнан-томгын* — творец, создатель (ворон). Такие же термины, как *чакыгэт* — родная сестра и *йичемит* — родной брат, выступают в языке только в этом их значении. Основа *йилгы* || *елгы*, с помощью которой образуется двоюродное и троюродное родство, означает: связь, приставка; отсюда существительное *йилгыыл* — связь, приставка и глагол *йилгэтык* — приставлять, присоединять.

Еще в настоящее время у чукчей муж, говоря о своей жене, называет ее *тумгытум*, т. е. мой товарищ, и, наоборот, жена называет своего мужа также *тумгытум*, т. е. опять-таки слово *тумгытум* выступает как термин, выражающий отношения в пределах данного поколения. Это обстоятельство также подтверждает наше предположение.

Своих родителей, т. е. первое поколение по восходящей линии, чукча называет *ытлыгыт* — родители. Мать он называет *ытля*, отца — *ытлыгын*, тетку (безотносительно по материнской или отцовской линии) — *ытчай* и также дядю — *ындив* или *ынийив*. Здесь в основе обозначения первого старшего поколения (т. е. родителей) лежит единый корень *ытл*. Единство происхождения терминов мать и отец, а также мать и тетка очевидно. В первом случае отличие заключается лишь в том, что термин отец — *ытлы-гын* оформлен суффиксом *-гын*, а термин мать — *ытл-я* оформлен суффиксом *-я*. Во втором случае для выражения понятия тетки — *ытчай* язык пошел по линии расщепления семантики корня *ытл*, выражавшего понятие родитель, родители, на мать и тетку путем распространенной в чукотском языке замены согласного *л* согласным *ч* (*чейвыркын* — ходить, *лейвыркын* — бродить, *н'олын* — нуждающийся, *н'очын* — бедняк и пр.).

Следующее поколение по восходящей линии, т. е. своих деда и бабуку, чукча называет *миргыт*; дедушку — *миргын*, бабушку — *н'эв-миргын* (женщина-дедушка) как с отцовской, так и с материнской стороны всех боковых линий.

Первое поколение по нисходящей линии, т. е. своих детей, чукча называет: сына — *эзык*, дочь — *н'эв-эзык* (женщина-сын), племянников же — *ытлюсгот* и племянниц — *н'ав-ытлювгот*, как с отцовской, так и с материнской стороны. Всех внуков по прямой и боковым линиям чукча называет также *ытлювгот*, различая только их половую принадлежность: так, внуков он называет *ытлювго* или *итлювэ*, а внучек — *н'ав-ытлювэ* или *н'ав-итлювго* (т. е. женщины-внуки).

Итак, из существующей у чукчей системы родства выделяется пять терминов, лежащих в основе всей системы и некогда отображавших родство только по прямой линии, без учета боковых, т. е.: *миргын* — деда, *ытлыгыт* — родители, *тумгыт* — я и поколение, к которому принадлежу я, *эккэт* — дети, *ытлювгот* — внуки.

О существовании у чукчей черт малайской системы родства, которая, как известно, соответствовала кровнородственной семье, говорил Л. Я. Штернберг: «Браки (у чукчей.— И. В.) между близкими кров-

ными родственниками самые распространенные. Соответственно этому и классификаторская система чукчей имеет больше черт малайской системы, чем юкагиров. Чукотская система не различает между родными дедушками и дедушками-дядями, ни с отцовской, ни с материнской стороны; между бабушками и тетками-бабушками обеих линий; между дядями и тетками обеих линий; между кузенами (кузинами) всех четырех линий; между внуками и племянниками, у которых каждая группа родства сливается в одну линию¹⁰.

При наличии указанных черт малайской системы родства у чукчей бытовали до самого последнего времени формы брачных отношений, во многом напоминающие гавайскую семью «пуналуа». Сущность семьи «пуналуа» Энгельс изложил так: «По гавайскому обычаю известное число сестер, родных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), были общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли друг друга не братьями, им было больше уже не обязательно быть братьями, а «пуналуа», т. е. близкий товарищ, так сказать, *associé* (член товарищества). Равным образом ряд братьев родных или более дальних степеней родства состоял в общем браке с известным числом женщин, но только не своих сестер, причем эти женщины называли друг друга «пуналуа»¹¹.

У чукчей мы, правда, находим не семью «пуналуа» в том виде, в каком она описана впервые Морганом, а только ее позднейшее видоизменение — институт так называемых *н'эв-тумгыт* — женщино-товарищей, сущность которого заключается в следующем: два или несколько, обычно двоюродных, братьев, независимо от того, происходят они по мужской или женской линии, вступают в отношения группового брака с двумя или несколькими двоюродными сестрами — или более отдаленных степеней родства¹². Вступив в отношения группового брака, мужчины друг друга называют *н'эв-тумгын* — женщино-товарищ. Мужчины называют своих женщин-жен *н'эв-тумгын*, те в свою очередь называют мужчин-мужей также *н'эв-тумгын*. Из такого брачного союза у чукчей исключаются только родные братья и родные сестры. В этом исключении родных братьев и сестер и нужно искать ключ к пониманию выделения в чукотской системе родства особых терминов: *йичемит* — брат по отношению к сестре и *чакыгэт* — сестра по отношению к брату, тогда как сестра сестру называет *чакэт-томгын*, ибо они, сестры, находятся в одном классе сестер-жен по отношению к другому классу мужчин, из которого исключены их родные братья. В свою очередь родной брат называет сестру *чакыгэт*, потому что она исключена из брачного круга мужчин, к которому принадлежит он, а своего родного брата называет *йичемит-тумгын*, а не просто *йичемит*, ибо он с ним находится в одном классе, в одной брачной группе.

«Непосредственно из семьи «пуналуа», — указывал Энгельс, — повидимому, возник, в громадном большинстве случаев, институт рода». В результате развития пуналуальных отношений произошло деление чукотского общества на два класса, образовался двуфратриальный род с экзогамными нормами брака. Поскольку брак между братьями и сестрами был запрещен, выявилась необходимость в обозначении специальными терминами племянников, дядей и теток, появились и термины, обозначающие свойство. С установлением материнского рода сложились такие институты, как левират и сорорат, кровная месть¹³,

¹⁰ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-востока Азии, Л., 1933, стр. 154.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 24.

¹² Подробнее об этом см. В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, ч. I, Л. 1934, стр. 135—139.

¹³ Ср. В. Богораз-Тан, Указ. раб., стр. 113—142, 179—191.

что пережиточно сохранялось до последнего времени. Отголоском существования у чукчей материнско-родовой организации нужно считать обычай «отработки» за жену, что, по существу, является не чем иным, как древней традицией матрилокального поселения.

В силу ряда специфических условий чукчи давно уже утратили один из главных признаков рода — экзогамию. Причины утраты экзогамии чукчами Л. Я. Штернберг видел (и, по нашему мнению, вполне правильно) в «трудности заключения брака для изолированного населения, рассеянного в небольшом числе по огромному пространству»¹⁴. Отсюда у чукчей, при сохранении древних форм семьи, сложился двусторонний кузенный брак, включающий не только детей братьев и сестер, но также разрешающий брак между детьми братьев и между детьми сестер, ранее находившихся в разных классах. Такой вид брака никак не мог сочетаться с экзогамией. «С утерей экзогамии,— говорит Л. Я. Штернберг,— чукчи утратили и род».

По всем данным, пределом родовой организации чукчей был материнский род, в период развития которого чукчи попали в северные широты, где основой хозяйственно-материальной жизни стали охота и оленеводство — занятия мужчин, что и послужило основанием, с одной стороны, для распада материнского рода, а с другой,— для становления патриархальной семьи. Все эти процессы разложения рода у чукчей происходили задолго до прихода русских.

В небольшой статье мы не можем подробнее останавливаться на причинах и условиях, при которых происходило у чукчей разложение материнско-родовой организации и развитие патриархальной семьи, поскольку эта тема является предметом специального исследования.

Дальнейшее развитие общественных отношений у чукчей может быть прослежено уже по историческим источникам и по материалам наблюдателей XVIII—XIX вв. Краткие и немногочисленные известия о чукчах XVII в. ничего не говорят об их общественном строе, поэтому приходится обратиться к известиям более поздним, преимущественно первой половины XVIII в.

Основным занятием чукчей XVII в. была охота (на суше и на море). Оленеводство еще только становилось для некоторых групп чукчей таким хозяйственным занятием, которое исключало необходимость заниматься охотой. Поэтому донесения служилых людей и «скаски» казаков первой половины XVIII в. не проводят никакой разницы в социальном строе оленных и приморских чукчей. В этих источниках упоминаются «старшины», «тоёны», «лучшие и прожиточные люди», которые обычно выступают «со всеми родниками», упоминается иногда и «род». Первые такие известия дошли до нас только от начала XVIII в.

В 1711 г. из Анадырска на «Чукотский нос» (так называлась северо-восточная оконечность Чукотского полуострова) был послан казак Петр Попов, которому среди прочих поручений «велено присматриваться подлинно: на чем у тех чукчей меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость»¹⁵. Возвратившись в том же году с «Чукотского носа», Петр Попов «в Анадырском остроге в судной избе якутскому пятидесятинику Скребыкину», рассказывая о виденных им у чукчей пленных с островов Берингова пролива, сообщал: «а живут... они, островные люди, собою тако ж, что... и они, чукчи, и начальных людей... никого у них нет»¹⁶. В 1718 г. юкагир ходынского рода Говина Юкольников ходил к чукчам и привел в Анадырский острог несколько человек «с ясашным платежом». Из расспросов чукчей выяснилось, что они «власти над собою никакой не имеют и живут самовольно родами»¹⁷.

¹⁴ Л. Я. Штернберг, Указ. работа.

¹⁵ «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, стр. 457—459.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Архив Академии Наук, ф. 21, опись 4, кн. № 33, л. 34.

Капитан Шатилов, командир Анадырского гарнизона, в 1751 г., отвечая на запрос военной коллегии о чукчах, писал: «Немирных чукок количество подлинно состоит, того при партии по делам не видно, а старшинство оные имеют по своему иноземческому древнему обыкновению, так же как и коряки, по родам: кто из них постояннее и прожиточнее... оленьими табунами, тот у них и старшина»¹⁸. «Чукчи главного командира над собою не имеют,— сообщал в 1756 г. казак Кузнецкий, пробывший у чукчей два года в плену,— а живет всякий лучший мужик со своими сродниками и с собою. И тех лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей»¹⁹.

Такие и близкие им показания встречаются на протяжении всего XVIII и даже XIX вв. К часто встречающемуся определению «род» не дается никаких пояснений, нет ни одного указания на название рода, поэтому под термином «род» в этих текстах следует понимать не род в его собственном значении, а большую семью, во главе которой стоял старший член; именем его и назывались эти «роды»; ни собственно родовых, ни территориальных названий эти большие семьи не имели.

Основной ячейкой чукотского общественного строя в XVII и начале XVIII в. была патриархальная семья. Вся бытовая обстановка и хозяйственная деятельность чукчей указанного времени свидетельствуют об этом. Патриархальная семья, в состав которой у чукчей входил «старшина» со своими «родниками», имела одно общее жилище, одно общее хозяйство как у оседлых, так и у кочевых (см. рис. 1 и 2). В состав семьи входило до 10 и более взрослых мужчин. Большой материал по этому вопросу дают донесения казачьих сотников майору Павлуцкому. Так, о походе 1731 г. к северо-восточному морю сказано в одном из донесений: «нашел на немирных оленных чукок две юрты, в коих 30 человек мужеска полу побили смертно, а другие на оленях разбежались», а несколько ниже в том же донесении: «нашли на каменном отрядыше пеших чукок в одной земляной юрте, в которой 20 человек (мужчин.— И. В.), да баб и робят убито, а сколько не упомянут»²⁰.

В походе 1744 г., будучи у реки Нерпичьей, недалеко от Анадырского залива, «нашли чукотскую юрту, где убили 4 мужиков, одного взяли в плен и двух женщин». Во время того же похода через пленных чукчей узнали, что около мыса Сердце Камень есть три юрты и табуны оленей. «Как стали в близости тех юрт подъезжать ввиду,— говорится в донесении,— то из оных неприятелей побежали в оленной табун 20 человек, из коих сам майор легкими людьми побил 18 человек, а двое убежали, за коими хотя и гнались, но увидев неприятельских 7 юрт, в коих был главный тоён Тентион в 88 человеках... где тот тоён с 88 человеками и убит». Сотник Кривогорницин «нашел три неприятельских юрты, в коих был тоён Тэгрувье, и при сражении побил 5 человек, а прочие разбежались... в плен взято 11 человек»²¹. Наиболее показательно сообщение, относящееся к 1769 г., когда коряки «на Чаунские острова переезд чинили на оленях по льду и на оных чукок подсмотром в ночное время в одной юрте скрали и чукоцких мужиков 9 убили, в плен взяли женок 8 да малолетнего одного»²².

К приведенному выше сообщению о «пеших чукчах» можно добавить сведения из описаний путешествия капитана Биллингса, в 1791 г. проплывшего на чукотских байдарках от залива Лаврентия до Мечиг-

¹⁸ «Материалы для истории Северо-восточной Сибири в XVIII в.», Чтения в Импер. об-ве истории древностей российских, 1864, кн. 3, стр. 65.

¹⁹ «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л., 1936, стр. 181.

²⁰ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 528, т. I, тетр. 17, лл. 3—8.

²¹ Там же.

²² Там же, т. II, тетр. 9, л. 49.

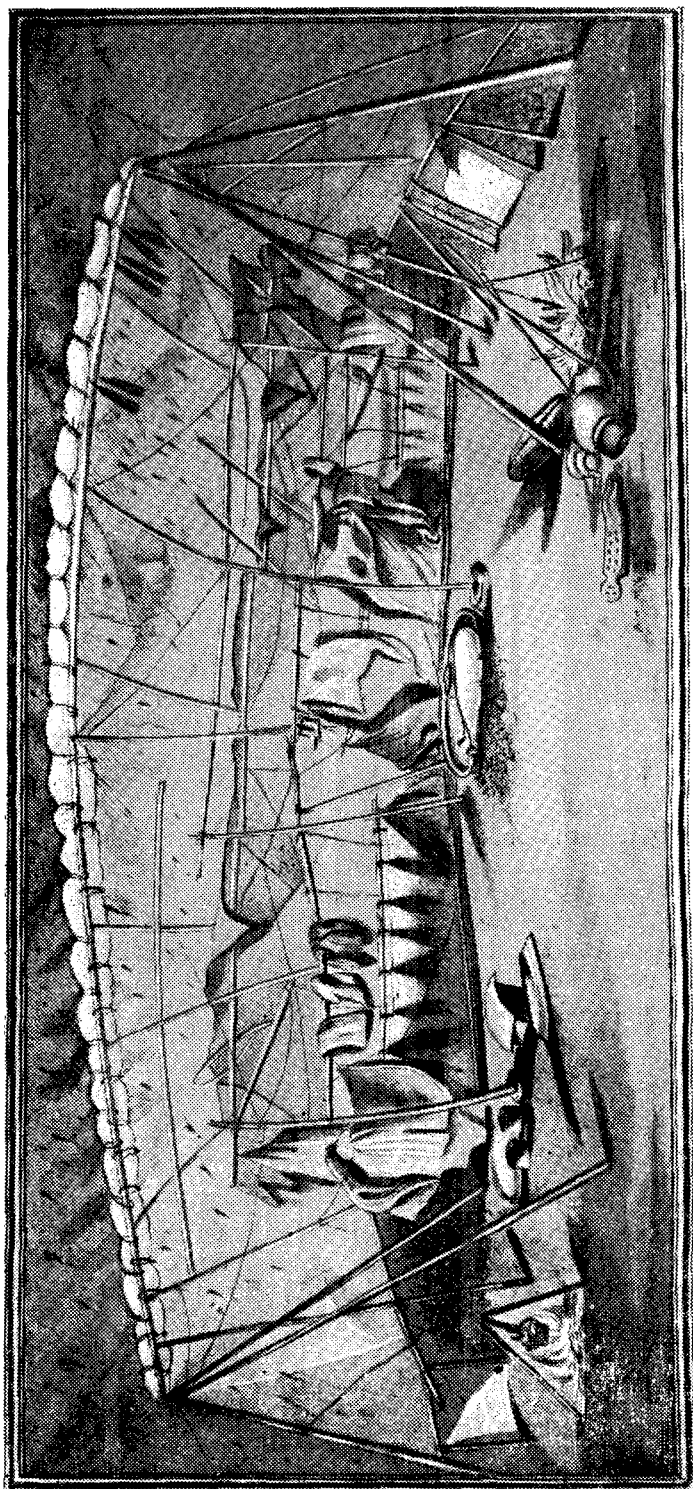

Рис. 1. Внутренний вид большой чукотской юрты с двумя очагами и несколькими пологими (стальными помещениями)

менской губы. В этом описании Биллингс привел следующие интересные данные о чукотских оседлых поселениях. «Селение Янданай имеет 2 землянки и 16 летних шалашей... Люгрэн... состоит из 4-х землянок и 17 шалашей... селение Мечигмен имело 12 шалашей и 3 земляных юрты»²³. Шалаша (или юрты) служили «сидячим» чукчам летним помещением, к зиме шалаша разбирались, а люди переходили в землянки. Шалаша вмещали как правило одну-две семьи в узком смысле этого слова. Следовательно, в земляных юртах в зимнее время жило от трех до восьми семей.

Доктор К. Мерк, участник экспедиции Биллингса, по этому поводу записал: «Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг, так как в одной юрте собираются все родичи»²⁴. Об оленных чукчах он привел не менее любопытные данные: «Их жилище яранга в течение лета, а также зимой, когда остаются дольше в одной местности, в них живут люди, объединяясь по родству, а так как они объединяют обитателей ряда шалашей, то и размеры их больше... Одна просторная яранга, где стояло до 6 полов, имела в окружности 20 сажень, длина 5, ширина 4 сажени, высота 9 футов»²⁵.

Гавриил Сарычев, другой участник экспедиции Биллингса, повторяя сказанное, добавлял: «Вообще, как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством или дружбой. Особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таком обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство»²⁶. В этом пояснении Сарычевым дана исчерпывающая характеристика патриархальной семьи чукчей. Производственные связи такой семьи складывались вокруг байдара, которой пользовались члены семьи на морском промысле и при дальних переездах. Размеры байдара, видимо, определялись количеством членов такой семьи. Так, по одним указаниям, чукотская байдара принимала «40 человек»²⁷, по другим «15—20 и более»²⁸.

Во главе патриархальной семьи приморских чукчей стоял «старшина» или, как его называли чукчи, *этвэрмэчин*, т. е. лодочный начальник. У оленных чукчей патриархальная семья возглавлялась *эрымом*. Термин *эрым* бытует в чукотском языке и доныне в значении «начальник», «человек, который может повелевать»; эрымом называют и председателя сельского совета и председателя колхоза с соответствующими определениями: советэрым, колхозэрым и т. п. От этой же основы *эрым* в чукотском языке образуется ряд слов, имеющих значение: сила, силач, ловкий человек и т. д. В глазах наблюдателей XVIII в. чукотские старшины-эрымы выступали как «лутчие и прожиточные люди», поскольку они распоряжались имуществом и руководили хозяйственной и общественной жизнью семьи.

Говоря о патриархальной семье у пастушеских народов, Энгельс отмечал: «Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его (патриарха.— И. В.) себе собственником в современном смысле этого слова. Столь же несомненно, далее, что в самом начале достоверной истории мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств, со-

²³ «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога в 1791 г.», СПб., 1811, стр. 5—6.

²⁴ К. Merck, Beschreibung der Tschucktschi. Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел, нем. F. IV, № 173, стр. 14.

²⁵ Там же, стр. 11.

²⁶ «Путешествие флота капитана Сарычева с 1785 по 1793 г.», ч. II, СПб., 1802, стр. 105—106.

²⁷ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 528, т. II, тетр. 7, л. 9: «У чукоч большие байдара, в коих человек 40 саятца».

²⁸ «Географическое описание р. Анадыря... и о чукчах», Архив Внутренней политики культуры и быта (в дальнейшем цит. АВПК и Б), фонд Сената, Секретная экспедиция, д. № 1552, л. 12.

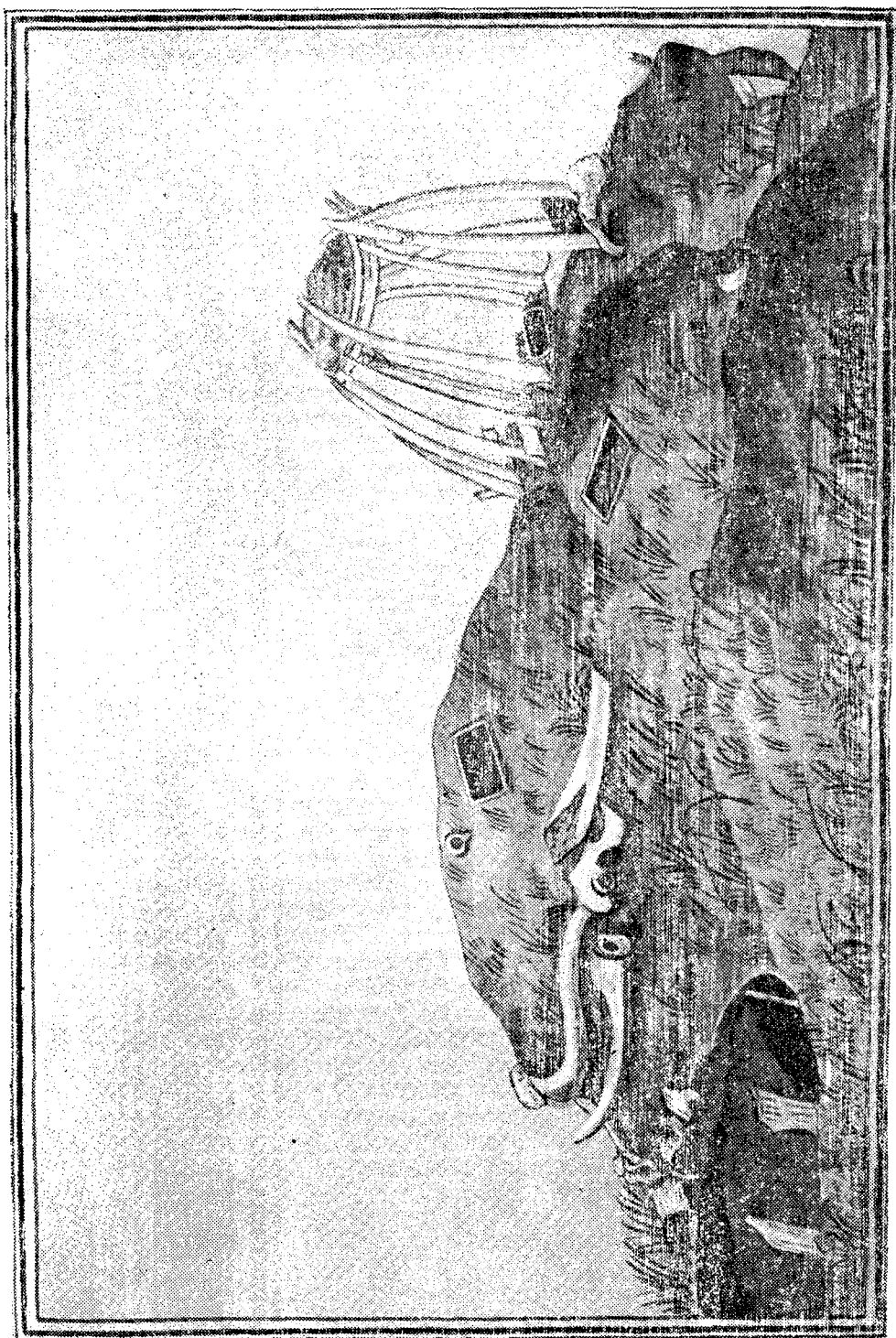

Рис. 2. Внешний вид зимней чукотской землянки, в которой помещалось несколько семей (так называемый «клегран», буквально мужской дом). На заднем плане остов летнего шалаша (юрты) из ребер кита.

Рисунки выполнены художником экспедиции И. Билингса Лукой Ворониным и вклеены в рукопись К. Мерск, хранящуюся в рукописном архиве Музея естественной истории в Берлине, № 173.

вершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов»²⁹.

Связи внутри патриархальной семьи в XVII в. у чукчей были прочнее, нежели к концу XVIII в., когда размеры оленных стад возросли, когда возникла необходимость дробить их в целях более удобного выпаса, лучшего ухода за ними. Дробление стад в свою очередь ускорило процесс установления частной собственности на них. «...уже рано должна была развиваться частная собственность на стада»³⁰. К. Мерк сообщал, что «занятие мужчин у оленных чукок — надзор за стадами — дело молодых мужчин, чьи животные составляют общее стадо». У приморских оседлых чукчей «в обособленном владении глав семейств», т. е. старшин-*этвэрмэчын*'ов, находилась байдара.

У чукчей главы патриархальных семей жили в многоженстве. Как сообщал сержант Кашкаров, посланный из Анадырского острога к чукам в 1756 г., «(чукчи) между собою весьма союзны и имеют у себя по четыре и пять жен и более»³¹. «Чукчи берут по 3—4 жены; бедные довольствуются одной», — писал К. Мерк. «Чукча, по состоянию своему, — писал доктор Кибер в 1823 г., — имеет многих жен, которые, повидимому, пользуются равными правами и живут согласно. Впрочем, многоженство у них не во всеобщем употреблении; я видел многих чукчей, которые довольствуются одной женой, более же пяти никто их не имеет»³². Аналогичное явление отмечал Энгельс в семитической патриархальной семье, где «в многоженстве живет только сам патриарх и, самое большее, некоторые из его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой»³³. Многоженство у чукчей отмечается в исторических источниках и в фольклоре не как исключение, а как обычное бытовое явление, что свидетельствует о прочности и давности этого института.

Существовало также у чукчей и рабство, но рабами были только иноплеменики, захваченные во время войны. Преимущественно это были эскимосы с Аляски, «зубатые чукчи». Казак Петр Попов еще в 1711 г. встретил у Носовых чукчей, «взятых в плен... человек с 10». В XVIII в., в связи с чукотско-корякскими и чукотско-юкагирскими войнами, чукчи вместе со стадами оленей забирали самих коряков и юкагиров, преимущественно подростков, причем последние служили пастухами этих стад. Чукотский фольклор передает много эпизодов, когда чукотский богатырь не только «отнимает стада», но забирает в рабство и корякских подростков, пасущих эти стада. Так, в рассказе о Талё, который сделал набег на тангов — коряков, говорится, что он перебил женщин и стариков, захватил 15 стад и 80 рабов³⁴.

«По собственным нашим наблюдениям и собранным отзывам других, — писал Ф. Врангель, — оказывается, что у кочующих и у оседлых чукчей существует рабство. Богатейшие из чукчей владеют целыми семействами, уже с древних времен находящимися у них в зависимости, не смеющими удалиться никуда, не имеющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющего их в самые тяжелые работы... О начале такой зависимости ни переводчик наш, ни другие чулки не могли ничего сказать, а полагали, что «так

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 38.

³⁰ Там же.

³¹ АВПК и Б., Фонд Сената, Секретная экспедиция, д. № 1558, л. 30.

³² «Сибирский Вестник», ч. II, 1824, стр. 112.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 44.

³⁴ Ср. В. Г. Богораз, Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, тексты №№ 133, 134, 135 и др.; см. «Известия Академии Наук», т. X, № 3, 1889.

было и должно быть». Вероятно, рабы чукчей суть потомки прежних военнопленных»³⁵.

Рабы, таким образом, служили рабочей силой, что характерно для патриархальной семьи, в составе которой наряду со свободными членами могут быть и несвободные. Кроме того, они служили и товаром, применяемым обычно на оленей. Как передает майор И. Шмалев, командир анадырского гарнизона, в 1756 г. чукча «Менигытьев в разговорах объявлял, что ежелиб в аманаты браны были их холопы, то... они не токмо по одному, но и по два б дали, которые... холопы между ими покупаютца оленей по 20-ти и по 30-ти»³⁶. Источником для многоженства, видимо, служило рабство, и только потом, когда утихли межплеменные войны, когда развилась частная собственность, многоженство получило иную окраску, иное оправдание.

Кроме многоженства, фольклор и источники XVIII в. отмечают у чукчей «мену жен», иными словами «групповой брак». Казачий сотник Кобелев, пробывший у чукчей лето и зиму 1780 г., рассказывал: «муж женатой с женатым же меняется женами своими, иные по пятнадцати человекам такую мену производят»³⁷. К. Мерк рассказывал об этом обычае у чукчей: «Невтумгын — мужья договариваются, чтобы таким способом укрепить свою дружбу, спрашивают согласия жен. Обычно соглашение достигается быстро... Не редки примеры, когда такие отношения поддерживают 10 человек (мужчин)». Более подробное описание этого обычая у чукчей дал доктор Кибер. «Самое замечательное обыкновение их, — писал он, — есть мена жен. Каждый чукча старается сыскать себе друга, с которым, живя обыкновенно вместе, делится счастьем. У друзей все общее, даже самые жены. Сей всем известный обычай должен, повидимому, происходить от глубокой древности. Когда чукча хочет доказать кому-нибудь свою дружбу, то предлагает поменяться женами. Дети, от разных матерей рожденные, пользуются одинаковыми правами»³⁸.

Наличие пережитков группового брака у чукчей в то время, когда у них уже существовала патриархальная семья, находит себе объяснение в том, что патриархальная семья была «переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»³⁹, как это было доказано М. Ковалевским⁴⁰ и признано Ф. Энгельсом. Отсюда вполне естественно проистекало и отсутствие признаков родовой организации, основанной на отцовском праве, и отсутствие экзогамии. Все это говорит о том, что патриархальная семья сложилась у чукчей уже очень давно.

Групповой брак влек за собой обязательства как материальные (обязательства материальной взаимопомощи), так и моральные: групповой брак связывал членов группы обязательствами кровной мести, ибо люди, вступившие в отношения группового брака, считались кровными братьями и не только жены, но и дети их были общие. «Дети чукоц, поскольку такой обычай существует (идет речь о *н'эвтумгын*. — И. В.), подчиняются чужим отцам», — писал К. Мерк⁴¹. Таким образом, групповой брак у чукчей расширял рамки отдельной патриархальной семьи, тем самым увеличивая круг лиц, связанных родством, а следовательно, и силой защиты, силой большей хозяйственной устойчивости, короче говоря, связывал несколько патриархальных семей в одну общину. Груп-

³⁵ Ф. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг., ч. II, СПб., 1841, стр. 339.

³⁶ АВПК и Б., Фонд Сената, Секретная экспедиция, д. № 1558, л. 36—37.

³⁷ АВПК и Б., 1-й Сибирский Комитет, д. № 2, л. 80.

³⁸ «Сибирский Вестник», ч. 2, 1824, стр. 112.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 41.

⁴⁰ Ср. М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939.

⁴¹ Ср. также Богораз-Тан, Чукчи, ч. I, стр. 135—139.

повой брак как бы возмещал утраченный род и его наиболее жизненные институты. Как уже было показано выше, чукотский береговой поселок состоял из нескольких патриархальных семей, объединенных не только территориально, но и родством. Каждое селение представляло собой нечто целое и имело своего главу, считавшегося старшим во всем поселении. Документы XVIII в. настойчиво отмечают «тоёнов», которые, судя по количеству людей, связанных с ними, были представителями не только отдельной патриархальной семьи, но поселка в целом. Эти известия совпадают с сохранившимся у береговых чукчей представлением о главном, старшем человеке данного селения, так называемом *очоч*. *Очоч* руководил коллективной охотой на море на китов, представлял интересы селения в сношениях с другими, возглавлял военные походы, распределял военную добычу, в частности рабов, регулировал отношения внутри поселка и т. п.

В 1740 г. бежавшие из чукотского плена коряки объявили исполняющему обязанности анадырского командира Шипицыну: «Немирные чукчи как Северо-Восточного моря, так и Чукотского носу все оленные, пешие и островные чукчи во многом числе войска, при коем главные тоёны Северо-Восточного моря Наихйе, Чукотского носу Кею, Ятыгыргын и другие имеют намерение... итти к Анадырскому острогу». В том же году на урочище Чекаеве Шипицын встретил «чукотского тоёна Елтувье в 10 байдарах...» «На другой день пришли чукотские тоёны Кею, Тэгрувье, Ятыгыргын, Апавко и Северо-Восточного моря Наихйе, Янъятыргын в 40 байдарах, с коими было войска сот до двух»⁴². В другом месте этого же документа сообщается, что всего прибыло на Анадырь 12 чукотских тоёнов. Все переговоры Шипицына с чукчами велись через посредство этих тоёнов. Они же тоёны руководили чукотскими походами на коряков.

Войны с русскими, коряками и юкагирами в XVIII в., а также набеги через пролив на Аляску приводили к временным объединениям больших групп чукчей, куда входило по несколько тоёнов. «При такого рода предприятиях,— писал К. Мерк,— чукчи, чего не принято у них ни в каких других случаях, выбирают себе предводителя... при приближении к чужой земле... вожак собирает совещание самых опытных стариков. Старики, по их представлению, имеют преимущественное право на голос в таких предприятиях, а прочий народ ограничивается молчанием»⁴³.

Основой таких временных объединений служила, видимо, сезонная охота на диких оленей, производимая чукчами на Анадыре и в других местах коллективно. На охотничье-производственной базе и сложился институт тоёнов — *очочей* еще задолго до прихода русских. Эти обстоятельства и вызвали организованность, проявленную чукчами при их сопротивлении русским. В условиях войны с русскими эти объединения окрепли, расширились и выдвинули своих военных вождей. В известиях о походе майора Павлуцкого на чукчей в 1731 г. упоминался тоён Наихйе, руководивший отрядом чукчей «до 1000 и более». В другом месте, относящемся к тому же времени, опять упоминался тоён Наихйе и «тоён Восточного моря Хыпае», которые уже руководили трехтысячным отрядом⁴⁴. Продолжительность и прочность объединения столь большого числа чукчей определялась необходимостью самозащиты от нападения русских. В других условиях эти объединения распадались и каждая община-селение выступала самостоятельно, даже вопреки интересам других. Так, в 1749 г. «явились ис полону» от чукчей «коряцкая девка» и в «скаске» объявила: «неприятели чукчи... пришед из их зем-

⁴² ЦГАДА, Портфели Миллера, № 528, т. I, тетрадь 17, л. 6.

⁴³ Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел. нем. F. IV, № 173, л. 48.

⁴⁴ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 528, т. I, тетрадь 17, л. 4.

лицы в реку Анадырь... ради рыбного и оленного промыслу... между собою имели великую прю о походе под Анадырской острог, ис которых один лутчий мужик Кею с родом своим отправился тремя байдарами и несколько притом было ветошников, пошедь в поход под Анадырской острог... а другие... чукчи девятнадцать байдар... в поход с Кеей... под Анадырской острог не пошли... да сверх... того Кеины три юрты остались при устье реки Онемена»⁴⁵. Это показание интересно и тем, что Кея, названный здесь «лутчим мужиком», а выше — «тоёном», выступил во главе небольшого объединения, состоявшего из трех юрт и трех байдар. При этом подчеркивалось, что он был с «родом своим», т. е. все три юрты представляли собой группу лиц, связанных родством. Указание на «прю» свидетельствует о том, что некоторые вопросы у чукчей обсуждались, причем в обсуждении принимало участие сразу несколько групп.

Имеются упоминания о «совете» у чукчей и в других местах. Так, в 1756 г. коряки, заманив к себе «ис чукок лутчих людей Татылкина и Арельпугу... с их родами с женами и детьми, побили их». Когда известие об этом дошло до других чукчей, «то чукчи положили на совете, за такой обман... коряк искоренить»⁴⁶. «Советы» у чукчей упоминаются и в других документах, но тогда обсуждались взаимоотношения с русскими или коряками. Обсуждение мероприятий, связанных с внешними отношениями чукчей (в особенности с русскими), всегда производилось коллективно, большими группами, но не всеми чукчами. Сержант Кошкарев, ездивший к чукчам в 1756 г., наблюдал у них «собрания» в несколько сот человек, обсуждавших вопросы о подданстве и платеже ясака. Но тот же Кошкарев отметил, что это обсуждение велось самостоятельно в стойбищах «лутчих мужиков» Леуче и Менигытьева, в отдельности.

Существовало среди чукчей, видимо, какое-то деление всей народности на определенные группы. Но по этому поводу мы имеем только одно указание. Так, Менигытьев, предлагая русским свои услуги в борьбе с коряками, говорил, что нас «восемь волостей, людей много». Вероятнее всего, что это были территориально изолированные друг от друга группы. Возможно, с этими «волостями» нужно связывать названия «беломорские», «чаунские», «носовые» чукчи.

Хотя у чукчей XVII и XVIII вв. не существовало родовой организации, но у них были территориальные объединения нескольких патриархальных семей, одновременно связанных и узами родства. Это были патриархально-семейные общины. Такие объединения представляли собой максимум общественной организованности, достигнутой чукчами к XVIII в. Каждая такая группа могла выступать совершенно самостоятельно и не была зависимой от других. Так, на предложение майора И. Шмалева в 1756 г. всем чукчам вступить в подданство «ея императорского величества» «тоён» Менигытьев, давая согласие за себя и свою группу, заявил, что за других решать этот вопрос он не может, так как «многих старшин с их родниками на реке Анадырь не было, а остались при жилищах своих, а самых Носовых было немного, а Чаунских никого за дальностью»⁴⁷.

XVIII век в жизни чукотского общества был веком больших хозяйственных и социальных изменений. Именно в XVIII в. окончательно складывается пастушеское оленеводство у чукчей, главным образом за счет насильственного отнятия стад у юкагиров и коряков. Так, по данным архивных документов, с 1725 по 1773 г. чукчи захватили у коряков и юкагиров около 240 000 оленей. В то же время источники начала XVIII в. отмечают незначительность чукотских стад. Так, во время по-

⁴⁵ АВПК и Б, Фонд Сената, Секретная экспедиция, д. № 1552, л. 293.

⁴⁶ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 528, т. II, тетрадь 9, л. 47.

⁴⁷ АВПК и Б, Фонд Сената, Секретная экспедиция, д. № 1558, л. 37.

хода Павлуцкого на чукчей в 1744 г. «в добычу получено оленей 4620», причем характерно, что захватываемые у чукчей оленные стада были очень малочисленны, при большом сравнительно количестве людей при них. В донесениях отдельных команд из отряда Павлуцкого, разыскивавших чукчей в разных направлениях от основного отряда, сообщается: «побито неприятеля 130 человек, в плен взято мужеска и женска пола 27 человек... в добычу получено оленей 100»; «неприятелей чукок побито 10 человек в плен взято женок 2, в добычу получено оленей 200»; «убит чукотский тоён Киниам и с ним 14 человек, в плен взято мужеска полу 7 человек, в добычу получено 300 оленей» и т. д. В 1746 г., при походе Павлуцкого к Чауну, «в добычу получено оленей 600, где было 5 чукотских юрт».

Проникновение к чукчам от русских, начиная со второй половины XVII в., металлических орудий, огнестрельного оружия, захват корякских и юкагирских стад, развитие торговых отношений между чукчами и русскими — все это способствовало ломке старых патриархальных отношений, дальнейшему укреплению и развитию частной собственности. Уже в конце XIX в. патриархально-семейная община уступила место соседской общине как у береговых так и оленных чукчей. «Рядом со связью семейно-родовою, — писал в 1899 г. В. Г. Богораз, — существует связь по соседству на стойбище (*ным-тумгываыргын*), до некоторой степени напоминающая зачатки вассальных отношений»⁴⁸.

⁴⁸ В. Г. Богораз, Краткий отчет об исследовании чукок Колымского края, Изв. РГО, т. XXX, вып. 1, 1899, стр. 39.